ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕТЬМИ

ПИСЬМО К ЕЛЕНЕ ШТЕЙН

На вопросъ Вашъ Елена Францовна: Очень распространенное мнѣніе, что дѣти легче выучиваются иностраннымъ якыкамъ чѣмъ взрослые, очень похоже на то, какъ если бы сказать, что весною растетъ крапива и лобода на борщъ. Конечно, это правда, но тогда растетъ и многое другое, болѣе нужное (чѣмъ лобода). Да, дѣти легче выучиваютея иностраннымъ языкамъ п. ч. они легче выучиваются всему, п. ч. дѣтскій возрастъ есть время чудесно, т. е. непостижимо быстрого развитія всѣхъ силъ которыми имъ послѣ прійдется орудовать. Эта быстрота объясняетъ, почему родители, даже болѣе безпристрастные, ожидаютъ нерѣдко отъ своихъ дѣтей, пока они малы (лѣтъ до 7—10 болѣе, чѣмъ эти дѣти даютъ впослѣдствіи. Думается: куда то зайдетъ ребенокъ, если онъ будетъ развиваться такъ же быстро? Но ростъ физическій и нравственный вскорѣ замедляется временемъ быстраго роста (п. ч. вѣдь вмѣстимость человѣческой и въ частности дѣтской мысли невелика) и спрашивать себя, что будетъ послѣ человѣку нужнѣе: знаніе ли многихъ языковъ или что либо другое? Это другое—умъ (то, что слагаетъ теорію) и характеръ (что нужно для практики, т. е. для видоизмѣненія данныхъ обстоятельствъ по нашей теоріи, т. е. нашему найлучшему разумѣнію). Для развитія ума (вообще, т. е. со включеніемъ воображенія и пр.) нужно изощреніе способности наблюдать, удерживать въ себѣ (помнить), комбинировать, обобщать, распредѣлять наблюденія, и повѣрять эти дѣйствія. Все это невозможно—безъ языка. Степень власти надъ языкомъ есть хотя не единственный, но наиболѣе важный указатель умственнаго развитія и ребенка, и взрослаго. Всякое пріобрѣтеніе, сдѣланное ребенкомъ въ области (отечеств.) языка, всегда соотвѣтствуетъ пріобрѣтенію въ области мысли и (съ некоторыми исключеніями) на оборотъ. Мы, даже взрослые, сознательно мыслимъ словами,[1]) даже тогда, когда ихъ непроизносимъ. Чѣмъ быстрѣе мы мыслимъ (т. е. говоримъ про себя), тѣмъ большія области можемъ обнимать мыслью. Эта бѣглость есть нѣчто неизмѣримо болѣе цѣнное, чѣмъ бѣглость пальцевъ для игры на инструментѣ. Теперь подумаемъ: какъ глупъ будетъ тотъ, кто желая сдѣлать изъ ребенка виртуоза будетъ одновременно учить его играть на 5 инструментахъ? Извѣстно, что нельзя безнаказанно мѣ-

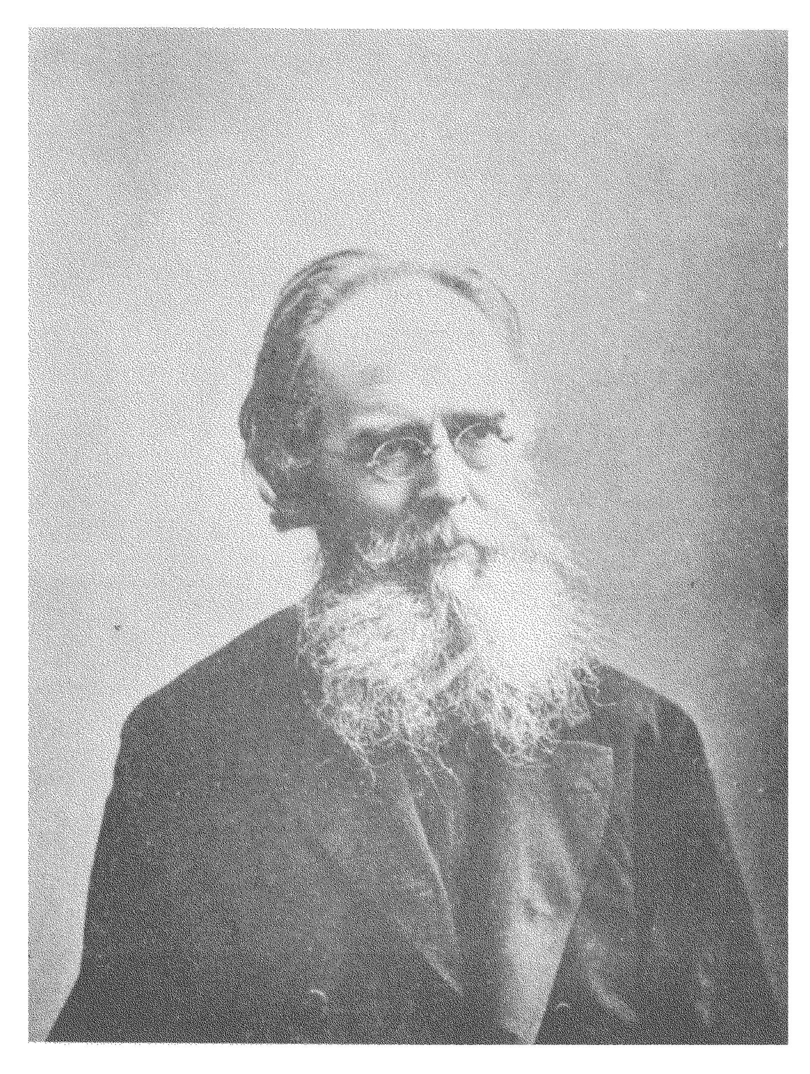
1) т. е. главнымъ образомъ Есть и другіе способы напр. живопись и пр.

нять даже одной скрипки или виолончели на другую. Каждый разъ надо привыкать къ новымъ условіямъ: длина грифа и т. п. Бѣглость игры на инструментѣ требуетъ привычки, и потому невозможно и крайне трудно быть и хорошимъ скрипачемъ и хорошимъ віолончелистомъ вмѣстѣ. Разные языки—это разные инструменты. Надо учить музыкѣ выбравши для этого одинъ инструментъ лучше всего сначала—голосъ. Говорю музыкѣ, т. е. содержанію, а не музыкальному механизму. Такимъ же образомъ надо учить дитя уму, выбравши для этого одинъ инструметъ, т. е. языкъ матери. Въ первые годы (до школы) мать должна больше говорить на этомъ языкѣ съ ребенкомъ и заставлять его разсказывать и болтать. Это будетъ найлучшая подготовка къ жизни, найболѣе раціональная подготовка мыслителя, учонаго или практическаго дѣятеля. Ибо надо же помнить, что съ 10—11 лѣтъ для мальчика изъ интелигенціи начинается идіотская школа, которая заставитъ его учиться одновременно именно пяти языкамъ Предупреждать домашнимъ обученіемъ это дурачество похоже на то, какъ если бы, въ виду того, что въ классѣ прійдется сидѣть въ спертомъ воздухѣ съ 9 до $^1/_2$ 3 го заставить то-же продѣлывать ребенка отъ 5 до 10 лѣтъ.

Здоровое изученіе иностранныхъ языковъ должно предприниматься или для цѣлей практическихъ (какъ торговыя сношенія и пр.), или для расширенія предѣловъ мысли. Въ раннемъ дѣтствѣ эти цели несуществуютъ и иностранное слово, становясь рядомъ съ отечественнымъ неприбавляетъ ничего къ знанію, но какъ постороннее мертвое тѣло въ организмѣ, замедляетъ и искажаетъ дѣятельность этого организма. Поэтому я думаю, что когда психологія доживетъ до лучшей поры, то въ ней будетъ отдѣлъ: „болѣзни мысли въ дѣтскомъ и зрѣломъ возрастѣ, происходящія отъ (неразумнаго) многоязычія". Пока для этой главы есть лишь отдѣльныя наблюденія, но для насъ для практики, для гигіены мысли, надо пользоваться и этимъ

Сожалѣнія зрѣлыхъ людей: „жаль, что я невыучился по фр., по анг. въ дѣтствѣ, а теперь мнѣ нѣтъ времени". Ну, а тогда было время? Т. е. точно-ли дѣтство было пусто и силы нетратились ни на что нужнѣе? Если да, то сожалѣнія должны быть обобщены: жаль, что потеряна молодость.

Доказательство отъ противнаго: если бы обученіе въ дѣтствѣ умѣнью говорить на нѣсколькихъ языкахъ было такъ полезно, какъ думаютъ наши дворяне, начиная съ 18 вѣка (то же, хотя менѣе и въ другихъ странахъ), то изъ такого воспоминанія невыходило-бы такое подавляющее количество дураковъ. Смотрите и казнитесь. Пушкины и т. п., в дѣтствѣ говорившіе на 2—3-хъ языках во 1-хъ выручены своею талантливостью, во 2-хъ были Пушкиными только на одномъ языкѣ, а никакъ даже не на двухъ. Изъ этого правила я знаю только мнимыя исключенія. Теперь бы сказать о вліяніи многоязычія въ дѣтствѣ на образованіе характера, но это вопросъ сложный, а я и такъ разболтался. Скажу только два слова. Нужно дать охоту и способность къ труду для себя и для другихъ. Значитъ, надо укрѣпить связь съ этими другими. Вмѣсто этого эта связь, найболее очевидное выраженіе которой есть единство языка съ этими другими, систематически разрывается. Страны, въ коихъ эта связь единства языка между сословіями разорвана, какъ Малороссія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сами осуждены на гибель и принесут погибель другимъ. Это великое море горя. А мы въ своемъ дыму небудемъ по возможности искусственно создавать и пародировать несправедливостей исторіи.

Олександер Потебня. Остання фотографія.